

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,

можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ВВЕДЕНИЕ

Столица Франции богата памятниками.

Своим языком говорят они с поколениями, сменяющимися друг друга. У некоторых из них — это язык милитаризма, грубой военной силы, стремящейся увековечить своё господство, подчинить себе народы, увлечь их ложной славой завоевательных войн. Приземистая громада Триумфальной арки не только по своим тяжёлым архитектурным формам, но и по всему своему замыслу копирует арку императора Тита в Риме. Создатели этого памятника стремились прославить в помещённых здесь изображениях захватнические войны империи Наполеона I, пытавшегося подобно императорам древнего Рима покорить всю Европу, весь мир. Такова и увенчанная статуей Наполеона Вандомская колонна.

Но народы Европы, хранящие в своей памяти кровавую летопись наполеоновских войн, видят в ней историю деспотического гнёта, нёсшего им смерть, разрушения и потерю национальной независимости. Народы не с теми, кто хотел в бронзе и мраморе увековечить это зло.

Они — с борцами Парижской Коммуны 1871 г., руководители которой постановили разрушить Вандомскую колонну как «символ грубой силы и ложной славы», как прославление милитаризма и отрицание международного права. Коммунары повергли наземь изображение Бона-

парта и заявили, что этот день прославится в истории, так как он «знаменует наш разрыв с милитаризмом, этим кровавым отрицанием всяких прав человека».

Рабочее правительство в 1871 г. провозгласило, что памятники, которые воздвигнет Коммуна, будут прославлять не подобных деспотов и разбойников, а «запечатлеют в памяти потомства... славные завоевания в области науки, труда или в достижении свободы».

Чуждая духу буржуазного шовинизма Коммуна, заявляя, что её знамя — это знамя всемирной республики, демонстративно переименовала Вандомскую площадь в Международную.

Однако в Париже нет памятников ни вождям народных революционных масс XVIII в., ни бойцам июньского восстания 1848 г.

Но есть в Париже памятник, одно воспоминание о котором заставляет горячо биться сердца миллионов рабочих, трудящихся всего мира. Это — знаменитая стена Коммунаров на кладбище Пер-Лашез, где происходили расстрелы в последние дни кровавой майской недели 1871 г.

Каждый год в день 25 мая стекаются к этой стене колонны рабочих, и алые цветы, словно кровь коммунаров, зовут в бой за национальную свободу, за жизненные права трудящихся, против наследников Тьера, предающих свою страну.

Миллионы трудящихся хотят больше, лучше знать своих героев. Вот почему так почётен и важен труд учёного, писателя, художника, задавшегося высокой целью удовлетворить этот интерес, рисуя черты героических образов коммунаров, вечно живых в памяти и сердце народов.

Именно эта задача и ставится в книге А. Лурье «Портреты деятелей Парижской Коммуны», второе издание которой ныне предлагается вниманию наших читателей. Автор значительно расширил свою работу, дополнив её очерками о Л. Франкеле, О. Серраёе, Г. Флурансе, Р. Ринго, В. Врублевском и о выдающихся русских женщинах — участницах Коммуны — Елизавете Дмитриевой (Томановской) и А. Корвин-Круковской (Жаклар).

Книга портретов политических деятелей — трудный жанр исторической литературы.

Трудности во многом возрастают при создании портретов выдающихся политических и военных деятелей Парижской Коммуны — этого первого опыта пролетарской революции. Одна из трудностей определяется неоднородным социальным составом Коммуны, наличием в Коммуне наряду с руководителями французских рабочих также и многочисленных представителей различных групп, принадлежавших к мелкобуржуазным слоям общества, весьма значительным во Франции того времени.

Сложность характеристики представителей рабочего класса в Коммуне — Варлена, Франкеля и других заключается в том, что сам тип рабочего руководителя в конце 60-х годов ещё только вырабатывался, формировался, а их взгляды, сложившиеся преимущественно под влиянием идей Прудона, подвергались существенной перестройке в результате уроков жизни и неутомимой борьбы Маркса в Международном Товариществе Рабочих (I Интернационал) за идейную гегемонию марксизма в рабочем движении. В то же время (в прямой связи с этим) революционность мелкой буржуазии после революции 1848 г. линяла, выдыхалась; наиболее полно это проявилось именно в поведении «неоякобинцев» в Коммуне, представлявших в большинстве своём жалких, бессильных эпигонов своих великих предков 1793—1794 гг.

Раскрыть в биографиях процесс роста революционной энергии пролетариата, процесс становления его революционного мировоззрения и упадка революционности мелкобуржуазной демократии — такова, следовательно, основная тема очерков о деятелях Коммуны.

Ряд особых трудностей возникает при этом в связи с неполнотой, ограниченностью источников, освещающих идейную борьбу в Коммуне, деятельность её важнейших органов (например, Комиссии труда и обмена), жизнь секций Интернационала, различных рабочих обществ и политических клубов в дни Коммуны.

Необходимо учитывать и то, что работа А. Лурье является первым в литературе (при этом не только в марксистской) опытом создания в рамках одной книги цикла портретов наиболее выдающихся деятелей Коммуны. Представляется вполне оправданным включение в созданный автором цикл портретов именно данных деятелей Коммуны и место, отведённое каждому из них.

Некоторые очерки, например, те, которые посвящены Франкелю и Серрайе, восполняют существенный пробел в нашей литературе о Коммуне, так как до сих пор сведения о них были чрезвычайно скудны.

Очерки, посвящённые Варлену, Франкелю, характеризуют деятельность наиболее выдающихся представителей социалистического «меньшинства» в Коммуне, роль в нём руководителей парижской организации Интернационала. Портреты Риго и Ферре дают возможность читателю составить себе более ясное представление о бланкистах — руководящей части «большинства» в Коммуне. Очерк, посвящённый Делеклюзу, является колоритным, точно и выразительно выписанным портретом лучшего из представителей мелкобуржуазных «неоякобинцев» — другой части этого «большинства». Очерки, посвящённые выдающимся сынам польского народа — Домбровскому и Врублевскому, — раскрывают столь существенную сторону революции 18 марта, как её интернациональный характер. Этой же цели служат и очерки о венгерском рабочем Франкеле, о русских женщинах Елизавете Дмитриевой и А. Корвин-Круковской. Впрочем, значение портрета Е. Дмитриевой определяется ещё и тем, что в её деятельности раскрывается связь Генерального совета Интернационала и его вождя Маркса с Коммуной.

Для нас дорого включение в книгу портретов русских женщин — участниц Коммуны. Они напоминают о том, что прогрессивная, революционная Россия приняла близко к сердцу героическую борьбу коммунаров и на деле доказала это.

Задача настоящего введения состоит в том, чтобы напомнить читателю о причинах самой революции 18 марта и её движущих силах, охарактеризовать состояние поднявшихся на борьбу классов и социальных групп, показав их объективное положение в тогдашнем французском обществе, уровень их политического развития, особенности их организации и идеологии. Совершенно естественно, что всё это должно быть сделано в первую очередь в отношении характеристики рабочего класса, сыгравшего главную, решающую роль в революции 18 марта и в создании Коммуны.

К 1871 г. рабочий класс Франции обладал уже значительными революционными и патриотическими тради-

циями. Ещё на начальной стадии своего формирования, в виде «предпролетариата», этой наиболее обездоленной, угнетённой и потому наиболее активной части плебейских масс Парижа, Лиона и других больших городов Франции, он сыграл в союзе с демократическим крестьянством важную роль в качестве одной из главных движущих сил французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

Однако последствия буржуазной революции конца XVIII в. жестоко разочаровали рабочий класс. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) он был лишён всех политических прав и оказался в тисках ничем не ограниченной капиталистической эксплуатации.

Вторично рабочий класс Франции поднялся на революцию в 1830 г. Но и на этот раз его обманула буржуазия. Июльская буржуазная монархия (1830—1848) означала установление власти богатейших банкиров, железнодорожных магнатов, верхушки промышленной буржуазии и сохранение эксплуатации и бесправия рабочих масс. В ходе восстаний лионских ткачей 1831 и 1834 гг. французские рабочие впервые начинают борьбу с самой буржуазией. Наиболее значительным результатом этих восстаний было начало формирования классового самосознания пролетариата.

Правительство июльской монархии жестоко подавляло выступления рабочих и республикански настроенной демократической мелкой буржуазии.

В обстановке полного отсутствия легальных, т. е. законных, прав и возможностей для своей организации, искавшая выхода ненависти к социальному гнёту и политическому бесправию наиболее активная часть рабочих увлекается на порочный путь узкого заговора. Возникают одно за другим тайные республиканские общества, деятельность которых связана с именем О. Бланки.

В связи с преобладанием во Франции тех лет мелких и мельчайших предприятий, ремесленных мастерских особенно широкое распространение получают теории мелкобуржуазного социализма Луи Блана и Прудона. Луи Блан выдвинул идею новой, справедливой «организации труда» при помощи создания «производительных ассоциаций» (рабочих товариществ), кредитуемых государством.

Луи Блан пропагандировал не революционный, а реформистский путь достижения этой цели. «Луибланов-

щина» состояла в проповеди примирения рабочих и буржуазии, которая будто бы сама присоединится к ним и поддержит их начинания¹.

В феврале 1848 г. рабочие, свергнув июльскую буржуазную монархию, выдвинули свои революционные требования: «право на труд», «организация труда через ассоциацию», несовместимые с существованием капиталистического общества.

Соглашательская тактика Луи Блана была разоблачена в ходе жестокой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Спровоцированный ею в июне 1848 г. парижский пролетариат с оружием в руках выступил против буржуазной «республики капитала и привилегий», за «социальную республику», в которой была бы уничтожена эксплуатация человека человеком и осуществлена организация труда через ассоциацию производителей — коллективных собственников средств производства. То было первое покушение пролетариата на сам буржуазный порядок, первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией².

Опыт, традиции, лозунги этой войны несомненно сыграли значительную роль в гражданской войне 1871 г., в истории революции 18 марта и Парижской Коммуны. Больше того, мы вправе видеть известную преемственную связь между этими двумя выступлениями парижского пролетариата.

Тяжкое поражение, понесённое в июне 1848 г., надолго ослабило рабочий класс. В то же время крупная буржуазия, устрешённая этим покушением на основы буржуазного строя, становится контрреволюционной. Сложилась благоприятные условия для захвата власти принцем Луи Бонапартом. Избранный 10 декабря 1848 г. голосами многомиллионных масс консервативного крестьянства в президенты республики Луи Наполеон произвёл 2 декабря 1851 г. государственный переворот, передавший фактически в его руки всю полноту власти. Через год он был провозглашён императором. Сохранение выборных представительных учреждений (Законодательный корпус, депутаты которого избирались всеобщим голосованием, и сенат,

члены которого назначались императором) лишь маскировало существование авторитарного режима, т. е. личной власти императора, опиравшегося на армию, полицию, оторванный от народа чиновничий аппарат, на поддержку католической церкви. Таким образом, фактически политических прав оказались лишёнными не только рабочий класс, но даже крупная буржуазия. Последняя мирилась с этим положением до тех пор, пока бонапартистский режим обеспечивал ей свободу обогащения внутри страны, не допускал возрождения рабочего движения, осуществлял её внешнеполитические цели. Режим Второй империи поддерживался при помощи специфических средств и методов, присущих бонапартизму. Во внутренней политике Наполеона III раскрывается основной исторический признак бонапартизма — лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга¹. «Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»². Однако это отсутствие «сплошной опоры», эта необходимость лавировать, заигрывать и подкупать обнаружились не сразу.

В первые годы Второй империи Франция переживала небывалый экономический подъём. В стране завершался промышленный переворот. Он нёс огромные бедствия рабочему классу, всем трудящимся массам, мелкой буржуазии. Капиталистическая индустриализация в противоположность индустриализации социалистической враждебна интересам народа. Применение машин при капитализме ведёт к увеличению интенсивности эксплуатации. Оно даёт возможность широкого вовлечения в производство женского и детского труда, оплачиваемого значительно ниже труда рабочих-мужчин.

Именно таковы и были тяжёлые последствия промышленного переворота для французского пролетариата.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 15, 17—18; т. 25, стр. 75—76.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 283.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 200.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 245.

Французская крупная буржуазия была сначала в восторге. Она уже была уверена, что с рабочим движением, с социализмом покончено, что июньские дни, эти дни её «великого страха» больше никогда не повторятся. Наполеон III стал кумиром всей европейской буржуазно-помещичьей реакции.

Однако этот подъём был кратковременным. В 1857 г. разразился предсказанный Марксом и Энгельсом очередной циклический кризис, который чрезвычайно сильно поразили экономику Франции. В связи с сокращением более чем в три раза железнодорожного строительства выплавка чугуна упала на 13%, добыча угля — на 6%. Экспорт шёлковых изделий сократился на 16,5%, цены на шёлковые ткани упали на 30—40%; в Лионе и его окрестностях от кризиса пострадало 170 тысяч рабочих.

Сказалось здесь и падение покупательной способности крестьянства вследствие ряда неурожайных лет, предшествовавших кризису, и резкого падения цен на сельскохозяйственные продукты в период кризиса (цена пшеницы в 1857—1858 гг. упала почти вдвое)¹.

Экономический кризис 1857 г., действие которого распространилось на все страны Европы и на США, имел огромные политические последствия. Он с особой силой вновь продемонстрировал огромные размеры бедствий, на которые развитие капитализма обрекает рабочий класс, и тем самым толкнул его к возобновлению освободительной борьбы, временно подавленной после поражения революции 1848 г.

Новому подъёму международного рабочего движения в конце 50-х — начале 60-х годов способствовало также оживление в это время национальных движений, направленных на воссоединение Италии, Германии, на освобождение польского народа от гнёта русского царизма. Необходимость определить свою позицию в борьбе за разрешение этих проблем, общенациональных по масштабам и буржуазных по своему классовому содержанию, вызвала рост политического сознания рабочего класса, усиление его международных связей.

На гребне этой могучей, высоко поднявшейся волны рабочего и демократического движения начала 60-х годов и

возникло в 1864 г. Международное Товарищество Рабочих — I Интернационал. Душой его, автором «Учредительного манифеста» и устава, многочисленных важнейших резолюций, заявлений и манифестов, неутомимым руководителем Генерального совета Интернационала был Карл Маркс. «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах»¹, — писал В. И. Ленин.

Этот подъём рабочего и демократического движения охватил и Францию. Бонапартистский режим в своей борьбе против пролетариата пытался сначала применить методы заигрывания, частичных уступок, оставляя методы насилия в резерве. Агенты правительства стремились при помощи устной и печатной пропаганды убедить рабочих отказаться от стачечной борьбы и от требования отмены запрещения союзов.

Однако всё было тщетно. На дополнительных выборах 1864 г. группа парижских рабочих выставила своего собственного кандидата. Опубликованное ею в печати заявление (получившее по числу лиц, подписавших его, название «Манифест 60») свидетельствовало об осознании своего особого положения и особых классовых интересов теми, кто «не имеет другой собственности, кроме своих рук», и подчиняется требованиям капитала. Стремясь предотвратить дальнейший рост активности рабочих и удержать их в рамках чисто экономических форм борьбы, правительство Наполеона III в мае 1864 г. провело через Законодательный корпус отмену статей уголовного кодекса, запрещавших любую стачку и образование союзов. Однако практически разрешены были лишь общества взаимопомощи. Рабочие всячески обходили рогатки, поставленные правительством, и фактически превратили постепенно эти общества в зачатки своих профессиональных союзов (так называемые «общества сопротивления»).

¹ См. Л. Мендельсон, Экономические кризисы и циклы XIX века, Госполитиздат, 1949, стр. 354.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 33.

. В начале 1865 г. в Париже начала складываться организация Интернационала. Во главе её стали Толен, Фрибур и некоторые другие рабочие, составившие корреспондентское бюро для связи с Генеральным советом.

Однако организация росла медленно и не только потому, что отсутствовали материальные средства или легальные условия деятельности. Главным препятствием являлась живучесть влияния на французских рабочих прудонизма, одной из форм мелкобуржуазного социализма. Именно это влияние мешало даже тем из них, кто вступал в секции Интернационала, правильно понять и усвоить революционные принципы и тактику, которые лежали в основе деятельности Международного Товарищества Рабочих.

Чтобы глубоко и всесторонне представить себе причины широкого распространения влияния прудонистских идей во Франции 60-х годов XIX в. (а без этого невозможно понять и характер борьбы идейных течений в Коммуне), необходимо уяснить роль этих идей как объективного отражения и выражения социально-экономического положения широчайших, многомиллионных масс производителей материальных благ, находившихся в годы Второй империи под гнётом крупной буржуазии, учесть наличие огромных масс городской мелкой буржуазии.

Как было отмечено выше, ряд таких причин, как существование огромной массы малоземельного крестьянства, тенденция французского капитализма развиваться всё больше и больше в виде банковского, ссудного капитала, привёл к тому, что, несмотря на значительные результаты промышленного переворота в годы Второй империи, Франция по темпам и объёму развития крупных фабрично-заводских предприятий, равно как и по развитию тяжёлой промышленности, значительно отставала от других стран. Общая сумма промышленного производства увеличилась почти в 3 раза; добыча каменного угля выросла с 4,9 до 13,4 млн. тонн, число рабочих, занятых в коях, — с 33 000 до 85 000, производство железа и стали выросло в 3 раза, число паровых двигателей — с 7800 до 33 000. И всё же стоимость всей продукции рудной, каменноугольной и металлообрабатывающей промышленности составляла только 565 млн. франков, в то время как стоимость производимой одежды и предметов моды достигала в конце 60-х годов 1,5 миллиарда франков. Преобладание средних

и мелких предприятий влекло за собой сравнительно слабую концентрацию рабочего класса. Особенно ярко выражены были все эти моменты в Париже. Здесь в 1866 г. из 442 тысяч рабочих лишь 50 тысяч были заняты в крупных производствах.

Следовательно, сам парижский пролетариат был по преимуществу ремесленным. Вспомним, что наиболее активный и популярный руководитель парижских рабочих — Варлен, переплётчик по профессии, выполнял заказы своих богатых клиентов у себя на дому, владея необходимыми инструментами и не утратив ещё самостоятельной связи с заказчиками.

Значительное преобладание в Париже, да и в целом во всей стране, производства предметов потребления составляло, следовательно, характерную черту промышленного развития Франции тех лет, резко отличавшую её от «промышленной мастерской мира» — Англии. Поэтому-то во Франции, наряду со сформировавшимися уже сравнительно крупными отрядами фабрично-заводского, индустриального пролетариата (шахтёры, рабочие металлургических и металлообрабатывающих предприятий и т. д.), существовала ещё значительно превосходившая их по своей численности масса ремесленного пролетариата и владельцев мелких ремесленных мастерских (число последних, как видно из приведённых выше данных, измерялось, например в Париже, многими десятками тысяч). Такого рода ремесленники были (наряду с мелкими лавочниками) главной составной частью городской мелкой буржуазии, положение которой в годы Второй империи было крайне противоречивым.

Ещё шире была представлена мелкобуржуазная стихия в тогдашней французской деревне. Трудясь, не разгибая спины, на своём участке, политом потом многих поколений, французский крестьянин всё больше и больше запутывался в сетях ростовщической кабалы, ипотечной задолженности. В деревне нарастал широкий протест против экономического гнёта крупного денежного капитала. Но крестьянство Франции ещё в первой половине XIX в., в частности в период революции 1848 г., показало себя как консервативное. Неустанный труженик крестьянин выступает как мелкий собственник, главная, всепоглощающая страсть которого, с такой силой изображённая мастерами французской реалистической литературы, состояла в

стремлении сохранить свою мелкую частную собственность. Следовательно, протест этого крестьянина (мы сейчас не говорим о сельскохозяйственном пролетариате), как и мелкой городской буржуазии, был направлен не против капиталистического строя (вне условий которого они не мыслили своего существования), а против его проявлений в виде дороговизны кредита, против эксплуатации со стороны крупного денежного капитала. Эти черты социального характера французского крестьянства обусловили и особенности его политической позиции в годы Второй империи. Будучи резервом буржуазии в революции 1848 г., массы консервативного французского крестьянства своими голосами привели Луи Бонапарта 10 декабря 1848 г. на пост президента республики, дали ему тем самым возможность подготовить и провести государственный переворот 2 декабря 1851 г.

Прошло несколько лет, и крестьянство разочаровалось в результатах политики Второй империи (прежде всего экономической). Но крестьянство было подавлено силой государственной машины империи, отдано ею под духовную, идеологическую «опеку» реакционного католического духовенства, этих «жандармов в рясе», лишено какого бы то ни было просветительного влияния (не говоря уже о политическом руководстве!) со стороны рабочего класса, далёкого от понимания значения его связей с крестьянством (что и сказалось роковым образом на судьбе Коммуны). У большинства французского крестьянства протест против политического гнёта Второй империи выражался не в революционных выступлениях против бонапартистской диктатуры, а в усилении недоверия ко всякому государству.

Широкое распространение и стойкость влияния идей прудонизма во французском рабочем движении объясняется прежде всего тем, что в них с наибольшей отчётливостью и полнотой были выражены наиболее существенные стороны социальных требований столь многочисленных во Франции масс ремесленников и мелких крестьян.

Работы Прудона были своего рода энциклопедией мелкобуржуазного мировоззрения, столь же внутренне противоречивой, как показал Маркс, как противоречиво было социальное бытие этих классов.

Самоучка-наборщик, сам «дошедший» до многих уже ранее известных истин, 23-летний Прудон в своей книге

с характерным названием «Что такое собственность?», выступил, по словам Маркса, с уничтожающей критикой, пронизанной чувством возмущения мерзостью существующего буржуазного общества.

Определяя прудонизм как идеологию буржуазную, Маркс и Энгельс вскрыли её особенности, являющиеся отражением социальной позиции и специфических интересов определённой части буржуазии — наиболее многочисленных в тогдашней Франции мелких собственников, мелкой буржуазии города и деревни.

Ещё в 1846 г. Маркс писал, что Прудон «с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии»¹. Именно эта типичная для мелкого буржуа противоречивость его положения между крупной буржуазией и рабочими, трудящимися массами и определила всё содержание прудонизма и обусловила возможность широкого и длительного влияния этой буржуазной в сущности своей системы идей на тогдашних ремесленников и на ремесленный пролетариат.

Буржуазная сущность этой системы видна из того, что целью Прудона, главной идеей его «социализма» было «не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» её, сделать её всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений»².

Борьба за осуществление этих недостижимых целей велась Прудонем во имя сохранения и упрочения экономической самостоятельности мелкого производителя-ремесленника, владеющего средствами производства, и крестьянина, собственника парцеллы — небольшого участка земли. Выражая их несбыточную мечту об освобождении от разорения, от эксплуатации при сохранении капитализма, Прудон боролся за то, чтобы сделать частную собственность всеобщей в виде мелкой собственности.

В 1846 г. он ещё считал, что эта его цель совпадает с представлениями о «строге общности» так называемых «германских социалистов» — коммунистов, последователей Маркса и Энгельса.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 100.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 17.

Но когда рабочий класс в июне 1848 г. выступил с оружием в руках против «республики капитала и привилегий» с требованием насильственного осуществления «организации труда через ассоциацию», то есть с требованием передачи средств производства в руки рабочих товариществ, Прудон решительно выступил против этих требований, как ведущих к коммунизму.

Во время революции 1848 г. Прудон предложил проект организации «Народного банка», направленный на уничтожение «власти золота». Исходя из так называемого «закона взаимности», он надеялся через этот банк осуществить «двустороннее кредитование» членов общества частью продуктов своего труда. Для этой цели в банк должны войти «100 тыс. фабрикантов, мануфактуристов, шахтовладельцев, торговцев, предпринимателей в области транспорта, сельского хозяйства и т. д.». Итогом деятельности банка должно было явиться «преобразование собственности и уничтожение государства». Здесь мы видим уже проявление анархизма Прудона — отрицания им государства как такового. В учреждении этого банка Прудон видел завершение революции.

Таковы социальные корни прудонизма и основные положения его мнимо революционной, а в сущности консервативнейшей системы взглядов, осуждавшей политическую борьбу, образование рабочих союзов и стачечное движение.

В дальнейшем развитие взглядов Прудона во всех направлениях идёт явно вправо, что и сказалось на характере всей его системы, в том виде, в котором она сложилась в 50-х и 60-х годах.

В чём же конкретные причины её влияния на французских рабочих на протяжении ряда десятилетий и в чём причины отхода от неё передовой части пролетариата?

Французские рабочие в эти годы находились под влиянием поражения революции 1848 г., они были скованы бонапартистской диктатурой, разочарованы в результатах трёх буржуазных революций.

Вначале их борьба имела экономический характер ввиду отсутствия организованности, упадка политической активности, разочарования в бланкистской тактике политической борьбы.

Процесс роста рабочего движения во Франции и борьба Маркса и Энгельса против влияния прудонизма в конце 60-х годов показаны в книге А. Лурье в очерке, посвящённом Э. Варлену, выросшему в это время в признанного, популярного в массах руководителя движения. Знакомясь с приведённым здесь фактическим материалом, читатель согласится с выводом автора о том, что Варлен «был не теоретиком, а практиком, врождённым организатором...». А. Лурье справедливо сосредоточил своё внимание на показе того, как под влиянием уроков жизни, усиления экономической борьбы рабочего класса (рост стачечного движения, образование профессиональных союзов) и под влиянием энергичной борьбы против прудонизма Маркса и его последователей в Интернационале Варлен, принимавший участие в его конгрессах, отходит от «ортодоксальных» позиций прудонизма и становится виднейшим представителем так называемого левого прудонизма, или «коллективизма». Особенно отчётливо проявилось это в его роли на Базельском конгрессе, где он голосовал не только за право общества упразднить частную собственность на землю, но и высказался за превращение её в общественную собственность. Так совершился разрыв Варлена и других «коллективистов» с доктриной Прудона по решающему вопросу — о собственности.

Вопреки резко отрицательному отношению Прудона и правых прудонистов (Толен, Фрибур) к политическому, революционному действию, Варлен приходит к выводу о том, что без революционного свержения реакционного режима Второй империи рабочий класс не сможет приступить к социальным реформам.

Однако к пролетарскому коммунизму, научному социализму Варлен и «коллективисты» приблизились только в своём отказе признать вечное существование частной собственности на землю и в своём признании необходимости революционного характера перехода к новому обществу. Все они — во главе с Варленом — отрицали необходимость создания взамен разрушаемого государства нового, пролетарского государства — и в этом они оставались прудонистами.

У Варлена ещё не выработалось материалистическое понимание сущности классов и классовой борьбы, роли государства в классовом антагонистическом обществе и

в борьбе за уничтожение эксплуататорских классов. В речи на втором процессе Парижского бюро секций Интернационала весной 1868 г. Варлен, обращаясь к буржуазии, говорил, что с её стороны было бы умно приветствовать «разумные начинания» рабочих и не мешать их справедливому делу, так как, «когда класс потерял своё моральное превосходство, благодаря которому он пришёл к власти, он должен посторониться и сойти со сцены», «раствориться в молодом классе». Как видим, это наивное, идеалистическое воззрение в корне отличается от развитого уже в те годы Марксом и Энгельсом учения о классовой борьбе, о том, что в капиталистическом обществе «антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию»¹.

Признавая необходимость политической революции, Варлен и другие левые прудонисты не понимали значения для рабочего класса иметь свою самостоятельную политическую партию, которая руководилась бы научной теорией. Они не понимали, что целью деятельности Маркса и Энгельса в Интернационале была именно борьба за создание таких партий. Варлен и его товарищи продолжали смотреть на Интернационал, как на организацию, стоящую вне политики, и сохранили эту ошибочную точку зрения до самой революции 18 марта, а, судя по их поведению, в значительной степени и во время самой революции.

Варлен и не мог уяснить значения рабочей партии, ибо он был далёк от понимания роли научной теории для рабочего движения. «Роль людей умственного труда не в совершенствовании теории. Они должны только следовать за движением, понимать его, изучать... усиливать естественный порыв масс».

Непонимание законов классовой борьбы и роли в ней пролетарской партии вело Варлена к переоценке роли профессиональных союзов. С его точки зрения эти союзы должны были после политической революции опрокинуть старый экономический строй и на следующий день после этого превратиться в ассоциации производителей, кооперативные и кредитные организации и т. д., которые возьмут в свои руки производство и обмен. В будущем «коллекти-

вистском» строе организатором производства и распределения продуктов явится не государство, а профессиональные союзы; рабочие будут иметь полную свободу распоряжаться собой, владеть своими орудиями труда при том условии, что они будут предоставлять по себестоимости для обмена продукты своего труда, чтобы осуществилась взаимность услуг между рабочими различных профессий. Таким образом, весной 1870 г. Варлен примкнул фактически к противникам «государственников» — марксистов в Интернационале и поддерживал в этом вопросе анархистов-бакунистов.

Подготовку рабочих к революции Варлен, следуя своим ошибочным взглядам, видел не в превращении организации Интернационала в вождя масс, в партию, а в развитии деятельности рабочих профессиональных обществ, в преодолении ещё сохранившегося там «духа индивидуализма».

Углубление кризиса Второй империи, провал так называемых «либеральных реформ», политики заигрывания с рабочим классом заставляют правительство Наполеона III затеять 22 мая 1870 г. третий процесс парижских секций Интернационала по ложному обвинению их в участии в подготовке покушения на императора; 5 июля 38 деятелям I Интернационала был вынесен обвинительный приговор.

Это ещё более накалило политическую обстановку в стране.

Наполеон III искал выход из острого внутреннего политического кризиса, усугублённого неудачами его внешней политики, в победоносной войне против Пруссии и поддался на провокацию, организованную Бисмарком, сознательно готовившим эту войну в расчёте на превосходство прусско-германской военной машины над разложившимся военно-административным аппаратом Второй империи.

19 июля 1870 г. правительство Наполеона III объявило Пруссии войну.

В выпущенном Генеральным советом Интернационала 23 июля 1870 г. воззвании Маркс с удовлетворением отмечал, что, в то время как правящие классы Франции и Германии бросились в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылали друг другу вести

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 184.

мира и дружбы. Маркс имел в виду обращение секций Интернационала в Париже «К рабочим всех наций» и воззвания секций других городов, в которых они энергично протестовали против войны, как несправедливой, чисто династической со стороны Франции. Голос французских рабочих нашёл отклик в Германии. Об этом говорила резолюция многочисленного собрания в Брауншвейге, собрания уполномоченных 50 тысяч саксонских рабочих, ответное обращение Берлинской секции Интернационала.

Война нанесла тяжёлый удар организации Интернационала во Франции и, в частности, в Париже (на это и рассчитывал Наполеон III, не предвидевший, однако, конечных последствий своей авантюры). Многие члены секций были призваны в армию и покинули Париж. Другие остались без работы, не могли платить членских взносов, вследствие чего и без того более чем скромная материальная база организации оскудела окончательно. Но наиболее опасным было то, что некоторая часть рабочих и их руководителей была заражена шовинистическими настроениями.

Объективное содержание войны коренным образом изменилось после того, как гнилость бонапартистского режима, бездарность и измена наполеоновских генералов привели к катастрофе под Седаном. Здесь 2 сентября 1870 г. была окружена почти 100-тысячная французская армия, высшие командиры которой во главе с Наполеоном III дошли до позорную капитуляцию.

К этому времени уже настолько явственно обнаружилось полная дискредитация и морально-политическая изоляция правящей клики, против неё сложился настолько широкий общенациональный фронт, что падение монархии 4 сентября 1870 г. под нажимом пролетарских масс Парижа произошло чрезвычайно легко и быстро. Режим Второй империи, приведший Францию к сильнейшему национальному унижению, не имел уже сил для сопротивления. Широта национального фронта говорила о существенном различии причин ненависти к нему со стороны враждебных империи классов. Крестьянство было разочаровано пагубными для него последствиями внутренней, в частности экономической, политики империи, оно страдало от падавших на него тягот, вызванных постоянными войнами

и колониальными авантюрами. Жертвы, принесённые им в войне с Пруссией, оказались бесплодными, Франция угрожало нашествие злобного и жестокого врага. Рабочий класс ненавидел империю за то, что она, отдав его во власть растущей капиталистической эксплуатации, лишила политических прав, а затем, убедившись в провале попыток «зубатовских» приёмов обмана, перешла к преследованиям рабочих организаций, секций Интернационала, ненавидел как причину национального унижения страны. Мелкая буржуазия — за то, что при империи она разорялась экономически и была бесправна политически. Совершенно иными были причины отхода от империи крупной буржуазии. Она готова была терпеть своё фактическое политическое бесправие до тех пор, пока Вторая империя выполняла свою задачу: подавляла рабочее движение внутри страны и успешно боролась за внешние политические захватнические интересы крупнейших банкиров, баронов угля и стали, за их гегемонию в Европе. Но когда империя доказала свою неспособность успешно решать эти задачи и в то же время не желала допустить буржуазию к участию во власти, — больше того, когда Вторая империя «привела» прусско-германские войска в страну и это угрожало подчинить французскую буржуазию экономической и политической гегемонии Германии, — она прокляла империю и бросилась спасать своё классовое господство под флагом республики.

А так как рабочие свой протест не только против бонапартистской монархии, но и против социального гнёта выражали в требовании республики, так как они были неподготовлены к созданию своего правительства, не имели своей партии, так как широкий национальный фронт, создавшийся против империи, выдвинул на первый план требование организации национальной обороны, то «либеральные пройдохи» с большой лёгкостью в день революции 4 сентября захватили власть в Париже. Так возникло правительство Национальной обороны, ставшее на деле правительством национальной измены.

Вот почему Маркс писал во втором воззвании Генерального совета о войне, от 9 сентября 1870 г., что эта республика не испровергла трон, а только заняла оставленное им пустое место, что она была провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны,

и что новое правительство унаследовало от империи её страх перед рабочим классом¹.

После падения империи правящие классы Пруссии, этого «знаменосца завоевания и контрреволюции», продолжали войну во имя отторжения от Франции двух её провинций — Эльзаса и Лотарингии и её ограбления при помощи огромной контрибуции. Таким образом, война становилась теперь несправедливой, захватнической со стороны Пруссии и справедливой, национально-освободительной со стороны Франции. Это понимал народ Франции. Поэтому огромный патриотический подъём сразу охватил многомиллионные массы крестьянства, вставшего на путь народной партизанской войны, рабочий класс и мелкую буржуазию, вступивших в батальоны Национальной гвардии. Между тем война велась под руководством изменнического правительства Национальной обороны, быстро доказавшего готовность крупной буржуазии предавать интересы нации во имя сохранения своего классового господства. Крупная буржуазия стала окончательно реакционной и не могла быть вождём нации в справедливой войне против германских оккупантов. Во втором воззвании Генерального совета Маркс предупреждал французских рабочих, что общенациональная задача могла быть решена только в итоге успешной борьбы за социальное освобождение пролетариата. Судьба республики (её независимость, целостность) зависела от силы и организованности рабочего класса. Рабочие должны исполнить свой гражданский долг, не ослабляя при этом своей классовой позиции, а, напротив — напрягая все силы для её максимального укрепления, ибо им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Прошлым в данном случае было именно слияние пролетариата со всей массой нации, признание идейного и политического руководства за буржуазией, как это было в период буржуазной революции 1789—1794 гг., когда рабочий класс вместе с крестьянством под руководством буржуазии поднялся на революционную войну против контрреволюционной коалиции феодальных монархов, сколоченной правящими классами Англии. По-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 455—456.

ступить так теперь, писал Маркс, — это значило бы позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г.¹

Строить же будущее — это значило, выполняя свой патриотический долг, сражаясь с оружием в руках против внешнего врага, врага всей нации, в то же время идеологически, политически и организационно отделять себя, более того — противопоставлять себя «собственной» буржуазии, использовать завоёванные буржуазно-демократические свободы, «чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»². Это значило в первую очередь восстановить, укрепить расшатанную войной организацию Интернационала во Франции и бороться за превращение её в политического вождя масс, в рабочую партию. Именно это дало бы рабочим Франции новые огромные силы для борьбы за возрождение Франции и за общее дело рабочих всех стран — освобождение пролетариата.

Но этот мудрый совет Маркса, эта по сути дела партийная директива Генерального совета не была выполнена вследствие идейной незрелости тогдашнего рабочего класса Франции и его авангарда — членов секций Интернационала и их руководителей из-за преобладания влияния прудонистских и бланкистских представлений о путях борьбы рабочих, о её тактике. В большей или меньшей степени почти все они дали увлечь себя именно этими традициями прошлого. Разительнее всего это видно из деятельности Бланки, начавшего 7 сентября 1870 г. издавать газету «La Patrie en danger» («Отечество в опасности»); газета, использованная одной из парижских секций Интернационала, получила не менее выразительное название «La Lutte à outrance» («Борьба до последней крайности»).

В источниках (весьма скудных и отрывочных) по истории секций Интернационала в Париже в конце 1870 г. нет ни малейших следов обсуждения и изучения второго воззвания Генерального совета Интернационала. Направленный сюда в начале сентября 1870 г. член Генерального совета О. Серрайе, о деятельности которого говорится в посвящённом ему очерке, в своих письмах Марксу подтвердил все его предположения о возможных опасностях, грозивших французским рабочим от их собственной оши-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 456.

² Там же.

бочной позиции и от преждевременного восстания перед лицом приближавшейся германской армии. Серрайе сообщал, что самые лучшие из французов (то есть, очевидно, рабочие) «живут воспоминаниями 1792 года»¹, что в Париже назревает новое июньское восстание².

Сохраняя в себе «отрыжку прудонизма», Варлен, выступавший перед войной с заявлениями о необходимости политической революции, направленной против Второй империи, теперь, когда она произошла, был неподготовлен к тому, чтобы вести организационную подготовку дальнейшей политической борьбы рабочих — уже за их собственные классовые цели. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас данным, основное внимание Варлена в это время было поглощено борьбой за ослабление экономических бедствий, наступивших вскоре после того, как прусские войска предприняли 19 сентября осаду Парижа. На собраниях секций (происходивших, судя по сообщению Серрайе, крайне нерегулярно), в рабочих столовых, как рассказывает один из очевидцев — русский народник П. Л. Лавров, «на первом месте стояли вопросы войны» и «сопротивления до последних сил» в противовес позиции буржуазии, готовой к примирению.

От парижских секций Интернационала и их Федерального совета Марксу и Энгельсу нельзя было ожидать проявления инициативы того преждевременного выступления рабочих, пагубных последствий которого они так опасались ввиду отсутствия у них своей организации³.

По возвращении в Лондон Серрайе на заседании Генерального совета сообщил, что секции I Интернационала и Федеральный совет находятся в состоянии полного упадка: товарищество было разрушено. Все его попытки передать широкой гласности перевод второго воззвания Генерального совета по поводу войны оказались в общем безуспешными. Газеты мелкобуржуазных демократов отказались его печатать, считая его «слишком пруссофильским» (!), отказалась это сделать и газета «неоякобинца» Делеклюза, характеристика деятельности которого даётся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 401.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 73.

³ Энгельс писал Марксу 12 сентября 1870 г., что в случае подобного выступления французские рабочие будут разгромлены без всякой пользы для дела, более того, отброшены на двадцать лет назад. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 399).

в этой книге; перевод воззвания удалось опубликовать (да и то без оценки реакционной сущности правительства 4 сентября) в одной из монархических (орлеанистских) газет, которую рабочие Парижа, конечно, не читали; руководители Федерального совета, в том числе и Варлен, не осознавшие сами всего значения этого документа, не помогли массам хотя бы узнать его содержание. В то же время буржуазная пропаганда изощрялась в клеветнических нападках на Интернационал, изображая его как «германофильскую» организацию.

Никоим образом не мог взять на себя инициативу восстания и оформившийся к 11 сентября Центральный комитет 20 округов, так как эта новая организация, созданная массами, ставила перед собой крайне важные, но ограниченные потребностями момента задачи (ликвидация старой полиции, обеспечение демократических прав населения Парижа, улучшение материального положения масс и усиление мер обороны; выставленное ею требование выборов в Коммуну (по 10 делегатов от округа) имело в виду всего лишь создание нового парижского самоуправления, а не установление новой, революционной власти).

Кто же был способен увлечь тогда массы на этот шаг, который Маркс считал в то время «отчаянным безумием»? 6 сентября 1870 г. в письме к Энгельсу Маркс выражал опасение, как бы эту инициативу не взяла на себя от имени Интернационала находившаяся в Лондоне так называемая «французская секция» во главе с Ф. Пиа. Но эта ничтожная группка не была связана с французскими рабочими ничем, кроме своего названия¹, и потому, естественно, её выступление не могло привести в движение массы. Не могли этого сделать и остальные мелкобуржуазные демократы-«неоякобинцы», сравнительно долго занимавшие позицию безоговорочной поддержки буржуазного правительства и игравшие главную роль в пропаганде «традиций 1792 года».

Инициатива выступления могла исходить от бланкистов. Огюст Бланки (1805—1881) — выдающийся организатор и руководитель тайных республиканских обществ 30-х годов XIX в. — воплотил в себе с поразительной чёткостью черты идеологии и тактики революционного направ-

¹ Причём даже и на него она не имела никаких прав, так как была ещё в 1868 г. исключена из Интернационала.

ления во французском рабочем движении первой половины XIX в. Бланкизм подчинил своему влиянию умы многих представителей последующих поколений французского революционного движения, вплоть до участников революции 18 марта 1871 г.

Бланки и его последователи, воспитанные в школе заговорщичества, спаянные строгой дисциплиной, полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и удержать её в своих руках посредством самых энергичных и решительных мер до тех пор, пока не удастся вовлечь народ в революцию¹.

Узкозаговорщические черты бланкистской тактики 30-х годов были обусловлены непониманием природы пролетариата как самостоятельного класса, его исторической миссии, расплывчатостью представлений о социальных целях революции, недооценкой роли теории для революционного движения, идеалистическим пониманием сущности исторического процесса. В связи с этим бланкизм не мог прийти к выводу о необходимости создания пролетарской партии, диктатуры революционного класса — пролетариата и выработал своё ошибочное представление о революционной диктатуре как о сосредоточении всей полноты власти в руках небольшой группы революционеров.

Между тем уже опыт революции 1848 г. дал огромный материал для дальнейшей разработки марксистского учения о пролетарской революции, для выработки отношения к вооружённому восстанию как к искусству.

Бланки — по существу политический революционер, писал Энгельс; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определённых практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности Бланки был по преимуществу «человеком дела»².

Относительно положительным в идеях и деятельности Бланки было то, что он, отражая в своих взглядах разочарование в мирной тактике, выдвинул задачу политической, революционной борьбы, утверждая, что «социализм немыслим без политической революции». Но глубоко оши-

бочное понимание путей подготовки и проведения этой революции, отрыв от масс приводили всякий раз выступления бланкистов к поражению.

Характерные черты бланкизма сказались в их выступлениях осенью 1870 г. и в январе 1871 г. и наложили свой отпечаток на всю линию их поведения в дни революции 18 марта.

Большую часть последователей Бланки, членов его тайной организации в Париже, в 60-х годах составляло демократическое студенчество — мелкобуржуазная интеллигенция. В книге даётся характеристика наиболее видных их представителей — прокурора Коммуны Рауля Риго и Теофиля Ферре.

Шла за бланкистами и некоторая небольшая часть рабочих, но это были лишь исключения.

Именно отсюда, от немногочисленной группы бланкистов, не связанной с массами, и шла опасность преждевременного выступления за осуществление уже назревшего лозунга создания Коммуны.

После революции 4 сентября Бланки, совершенно не понимавший расстановки классовых сил, не нашёл для своей газеты «более подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*»¹. Так же назван был и бланкистский клуб. Открывавшая первый номер газеты декларация за подписью Бланки, Эда, Тридона и других провозглашала: «Перед лицом врага — никаких партий, никаких оттенков мнений... в интересах общего спасения всякая оппозиция, всякие возражения должны исчезнуть». Авторы декларации предлагали буржуазному правительству «самую энергичную, полную и безоговорочную поддержку». Но, постепенно под давлением широких масс убеждаясь в предательской политике этого правительства, Бланки и его единомышленники выступают с всё более острой критикой правительства и уже к концу сентября приходят к выводу о том, что оно думает только о мире, «но не почётном, а о том, который оно готово купить любой ценой».

А так как бланкисты были далеки от понимания того, что любой, самый тяжкий мир был менее страшен, чем кровавое подавление германской армией преждевременного, неподготовленного, или, точнее говоря, подготовлен-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 442.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 225.

ного, но «по-бланкистски» организованного, массового выступления парижских рабочих, то они, не задумываясь о последствиях, пытались увлечь уже в начале октября рабочих Парижа на борьбу против правительства. Они поддерживали лозунг создания Коммуны, как подлинного, а не мнимого руководителя национальной обороны. 5 октября бланкист Г. Флуранс, в будущем один из активных борцов и одна из первых жертв Коммуны, ведёт до 10 тысяч национальных гвардейцев пяти рабочих батальонов Бельвиля на демонстрацию к ратуше и предъявляет именно такого рода «оборонческие» требования правительству, конечно, без всякого успеха. Таков же был результат и более мощной демонстрации, проведённой 8 октября ЦК 20 округов.

Как же относились члены и руководители секций Интернационала и его Федерального совета к назревавшей борьбе за Коммуну? Тщетно один из них доказывал на заседании в доме на площади Кордери¹, что «только Интернационал и федерация рабочих обществ смогут осуществить социальную революцию, сигнал для которой даст Коммуна, ожидаемая со дня на день». В противоположность этому мнению большинство членов Совета утверждало, что «эти организации не должны вмешиваться в революционные события, достаточно ещё не определившиеся, что они должны заниматься только экономическими, социальными реформами и... тщательно уклоняться от всякого вмешательства в чисто политическую борьбу»². Это может делать каждый член этих организаций в индивидуальном порядке. Серрайе в своём докладе Генеральному совету сообщал, что члены Интернационала (даже якобы «все», что очень маловероятно) приняли участие в демонстрации 8 октября, но только «как частные лица, а не как представители Товарищества; никаких согласованных действий не было, и они ничего не сделали»³.

Такова же была позиция членов и руководителей секций Интернационала по отношению к событиям 31 ок-

¹ Тут находился и Федеральный совет и ЦК 20 округов.

² G. Lefrançais, *Études sur le mouvement communaliste à Paris* en 1871, Neuch. 1872, p. 100.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», Госполитиздат, 1941, стр. 5.

тября, стихийно вылившимся в попытку свержения буржуазного временного правительства.

Инициативу взяли на себя ЦК 20 округов и бланкисты. Но последние не выработали никакого плана действий, не провели никакой серьёзной подготовки масс, продолжая узко понимать задачу выступления как меры, направленной исключительно на укрепление обороны страны, и не связывая это с классовыми, социальными требованиями рабочих масс. Именно поэтому выступление рабочих батальонов Национальной гвардии началось как демонстрация под лозунгами «Долой перемирие! Общий набор! Оружия! Война до конца!», и только стихийно, по мере того как проявлялся перевес сил народа над бессильным правительством, эта демонстрация переросла в восстание.

Однако восстание потерпело поражение. Произошло это потому, что бланкисты не понимали, что, завоевав в ходе восстания первый успех, надо идти от успеха к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью¹. Движение 31 октября не удалось и потому, что, как подчёркивал Маркс, Бланки и Флуранс, вместо того чтобы добиться полного разгрома старого правительства, поверили его руководителям, давшим честное слово отказаться от власти, «спасли жизнь этих людей, жаждавших убить своих спасителей». Это непростительное великодушие по отношению к вероломному врагу явилось впоследствии одной из серьёзнейших ошибок Коммуны и одной из причин её поражения.

Ответственность за неудачу движения 31 октября несут, следовательно, воздержавшиеся от организованного участия в нём руководители секций Интернационала и рабочих обществ, а также бланкистские лидеры. Как видим, первые несли на себе груз своих прудонистских заблуждений (воздержание от политики), вторые — фетишизировали само революционное «действие» как таковое, взятое вне связи с социальными требованиями масс, не подготовленное путём разъяснительной и организационной работы среди них, не обеспеченное продуманным и предварительно разработанным планом восстания последовательно наступательного характера. Именно эти характерные черты идеологии и тактики прудонистов (в том числе левых, во главе с Варленом) и бланкистов объясняют очень

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 4.

многое в их поведении в дни Коммуны и помогают понять роль рабочих масс, революционный инстинкт которых прорывался вопреки ошибочным взглядам, владевшим умами их руководителей.

Растущие материальные тяготы осады, преследования руководителей движения 31 октября, ухудшение военного положения страны и столицы (в конце декабря начался обстрел Парижа из тяжёлых орудий) приводят к новой активизации масс. С конца ноября 1870 г. в связи с этим заметно известное оживление и в деятельности секций Интернационала. 26 ноября они (совместно с рабочими обществами) опубликовали большое воззвание. Это — не программа революционной борьбы, а подробный перечень требований, предъявляемых правительству (уже не раз их отвергавшему) во имя продолжения войны «до последней крайности» и защиты республики. Наиболее важной частью этого воззвания является содержащееся в нём обращение к труженикам городов и деревень с призывом создать «республику рабочих и крестьян». «Напрасно будут сеять семена вражды между нами, мы заявляем, что отныне наши интересы тождественны... Мы требуем, наконец, землю — крестьянам, которые её обрабатывают, шахты — шахтёрам, которые в них работают, мастерские — рабочим, которые их создают»¹. Это первая по времени попытка обращения к крестьянам. Мы увидим, что и коммунары не смогли внести ничего более конкретного в свои отношения с крестьянством, чем этот общий лозунг «земля крестьянам». Среди подписавших обращение руководителей секций Интернационала был Франкель.

Более ясную и активную позицию занимает в это время ЦК 20 округов, обратившийся 5 января 1871 г. к населению Парижа со знаменитой «Красной афишей». Это был подлинный обвинительный приговор буржуазному временному правительству, провозглашавший: «Политика, стратегия, администрация 4 сентября — это продолжение империи — осуждены. Место народу! Место Коммуне!»². Однако слабой стороной позиции авторов воззвания была их наивная попытка объяснить членам правительства, что

их долг, если у них ещё сохранился некоторый патриотизм, уйти в отставку, передав власть Коммуне. Деятельность самой Коммуны они сразу ограничивали чисто военными задачами, что вело к поверхностному отождествлению рабочих, готовых подняться на социальную, пролетарскую революцию, с «великим народом 1789 г., разрушающим бастилии и свергающим троны». Из наиболее известных членов Интернационала (главным образом прудонистов) воззвание подписали Беле, Малон, Тейс, Лафарг, Пенди, из бланкистов — Тридон, Ферре, Вайян.

22 января 1871 г. руководители комитетов бдительности и клубов увлекли несколько рабочих батальонов Национальной гвардии на новое выступление против правительства. В нём принял участие ряд бланкистов и несколько членов Интернационала. Попытка эта была подготовлена ещё хуже, чем выступление 31 октября; заранее осведомлённое о ней правительство встретило восставших огнём.

Перед лицом растущего революционного протеста буржуазное правительство поспешило подписать мирный договор с Германской империей, приняв грабительские условия (отторжение Эльзаса и Лотарингии и уплата контрибуции в 5 миллиардов франков). Германской армии были немедленно переданы почти все форты (наружные укрепления, около 2000 пушек, около 200 тысяч ружей, большое количество боеприпасов и т. д. Словом, были выданы все средства сопротивления, принадлежавшие государству, многие полки регулярной армии распущены. Но отобрать у народа Парижа — пролетарских и мелкобуржуазных масс, образовавших свыше 250 батальонов Национальной гвардии, его ружья и пушки, приобретённые трудовым населением по подписке в дни осады, правительство не решилось.

Чем и как жили в эти месяцы перед революцией секции Интернационала? Источники наших сведений по этому вопросу крайне неполны. Из выступления О. Серрайе на заседании Генерального совета 28 февраля 1871 г. становится ясным, что в ноябре им была предпринята попытка заставить секции «взяться за настоящую работу» и с этой целью избрать новый Совет, освободившись от правых прудонистов, так как Толен, Шален, Тейс, Комбо и другие служили лишь препятствием для дела. По его словам, 11 секций (из 30—40) отозвались на его призыв и основали в противовес остальным новый Совет, который

¹ П. М. Керженцев, Парижская Коммуна 1871 г., М. 1940, стр. 145.

² «Хрестоматия по новой истории», ч. II, 1870—1918, под редакцией А. И. Молока и В. А. Орлова, М. 1953, стр. 22; С. Айнберг-Загрякова, «Красная афиша», «Вопросы истории» № 4, 1950 г., стр. 88—91.

«должен был созывать собрания и быть готовым... ко всяким могущим произойти событиям», то есть преодолеть «отвращение» к политике, которое было характерно не только для правых прудонистов, но и для левых прудонистов — «коллективистов» во главе с Варленом. Эта тенденция к «политизации» встретила сильное сопротивление («...меня обозвали глупцом»). «Неделю спустя,— говорил Серрайе,— мы (то есть он и те, кто стал на его сторону) составили воззвание, направленное против другого, ранее опубликованного»¹. Очевидно, это и есть то воззвание от 26 ноября 1870 г., в котором содержалось обращение к крестьянам и выдвигался лозунг «республика рабочих и крестьян». Появление этих новых моментов следует приписать именно влиянию Серрайе, который и в дни Коммуны пытался привлечь её внимание к мероприятиям в пользу деревни². О том, что имеется в виду именно воззвание от 26 ноября, говорит и состав подписавших его деятелей Интернационала, среди них не встречается имён правых прудонистов (Комбо, Мюра, Шалена), зато тут есть подписи Малона и Франкеля, на поддержку которых опирался, несомненно, Серрайе.

Под давлением Бисмарка 8 февраля 1870 г. начались выборы в Национальное собрание, которое должно было утвердить условия мира. Серрайе и его сторонники решили выставить список «революционно-социалистических» кандидатур — 13 от секций Интернационала, федеральной камеры рабочих обществ и ЦК 20 округов, остальные от мелкобуржуазных «революционеров-республиканцев 1848 г.». В программе, сопровождавшей список, говорилось о том, чтобы рабочие были среди тех, кто стоит у власти. «Вот избирательный лист кандидатов, представленных партией обездоленных во имя нового мира... Франция реорганизуется заново; рабочие имеют право отыскать и занять своё место в создающемся порядке. Кандидатуры социалистов-революционеров значат: разрыв со всеми, осмеливающимися посягнуть на республику, кто бы они ни были; признание необходимости политического выступления рабочих; падение правительственной олигархии и промышленного феодализма»³.

Однако большинство членов парижских секций Интернационала заявило, что не желает быть вместе с Бланки в одном списке кандидатур в Собрание, но согласилось участвовать в общих списках с мелкобуржуазными республиканцами, что и было им сделано (от рабочих сюда были внесены имена Малона, Пенди, Варлена и Толена)¹. Серрайе и группа его сторонников отказались поддерживать этот совместный список и выступали на выборах со своей программой.

В середине февраля старый и новый Совет объединились, причём Серрайе поставил условие, чтобы сначала были проведены перевыборы старого Совета, так как он был уверен, что правые прудонисты больше не будут туда избраны. К сожалению, сведения о жизни парижских секций Интернационала накануне и в дни революции 18 марта очень неполны и в сущности ограничиваются данными, содержащимися в весьма кратких протоколах заседаний Федерального совета за период с 5 января по 29 марта 1871 г.², в нескольких отрывках из протоколов отдельных секций и некоторых других документах, в очень важной резолюции секций от 20 мая и в небольших газетах двух секций. Ценнейшим источником по истории секций этого периода являются протоколы Генерального совета, показывающие то огромное внимание, с которым относились Маркс и Энгельс к вопросам организации французских рабочих, а также письма представителей Совета — О. Серрайе, Э. Дюпона и Е. Дмитриевой из Парижа³.

Начиная с января месяца парижская организация I Интернационала занималась восстановлением, дальнейшим укреплением и расширением прерванных войной связей, восстановлением разрушенной материальной базы, основанием новых секций и т. д. В поисках путей для разрешения этой основной задачи наметились две линии.

¹ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 6.

² После поражения Коммуны часть этих протоколов была опубликована Комиссией Национального собрания в издании «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», Paris 1872, p. 523—533; см. также их отдельное издание «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris pendant la siège et la Commune», Paris 1872. Частичный перевод этих документов см. А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (Хрестоматия), Л.—М. 1925, стр. 13—22, 301—310.

³ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 1—69, 173—180 и след.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

² См. там же, стр. 174.

³ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, СПб, стр. 57.

Франкель (роль которого в это время неуклонно возрастала), как человек, действительно во многом стоявший гораздо ближе к марксизму, чем левые прудонисты — «коллективисты», справедливо видел путь к укреплению материальной мощи Интернационала в такой его «мужественной», дисциплинированной, полной энергии, нестигаемой организации, сила которой определялась бы сознательностью её членов, глубоким пониманием ими своих конечных классовых целей («в борьбе за социальную республику»), верностью их своему интернациональному долгу («постоянной преданностью интернациональной идее»).

Только при этих условиях, утверждал он, «мы будем готовы и сильны в тот день, когда придётся действовать...». Иначе говоря, Франкель боролся за разрешение именно той задачи, которую Генеральный совет Интернационала и его вождь Маркс выдвинули в качестве первоочередной и главной перед французскими рабочими: всемерно использовать так называемые республиканские свободы для укрепления организации своего класса и завоевания самостоятельной позиции рабочего класса в основных внутренних и внешнеполитических вопросах. Вот почему Франкель считал столь печальным, что большинство членов секций не поняло, что заставило Серрайе и его внести в список кандидатов-социалистов вместо Луи Блана (за которого, кстати сказать, с увлечением проголосовала парижская буржуазия!) и Виктора Гюго «неизвестные имена», то есть имена рабочих. Вот почему Франкель твердил, что «необходимо безотлагательно заняться научными и организационными вопросами».

Франкель справедливо видел лучшее оружие в борьбе за решение всех этих задач, за превращение ослабевших, малочисленных, плохо связанных друг с другом секций, заражённых влиянием прудонизма, в немедленном создании своего печатного органа, политической газеты рабочего класса. При этом он исходил из того, что «печать — это самое мощное орудие пропаганды».

Однако эта единственно правильная в принципиальном и тактическом отношениях установка, вытекавшая из марксистского понимания сущности и задач рабочей партии, не нашла поддержки со стороны Варлена. Тем более не разделяли этих взглядов правые прудонисты.

Несомненной заслугой Франкеля и Серрайе являлось стремление укрепить связь парижских секций с Генераль-

ным советом, который внимательно следил за положением дел во Франции и оказывал возможную помощь Коммуне.

Пребывание Серрайе в Париже и его деятельность, направленная на выполнение указаний Генерального совета, принесли свои плоды. С середины февраля работа секций несколько оживилась.

После отъезда Серрайе в Лондон линию Генсовета продолжал проводить Франкель. Франкель не только не игнорировал экономических вопросов, напротив, он пытался привлечь внимание секций и рабочих обществ к таким наиболее насущным из них, как проблема квартирной платы и массовой безработицы. В этом его горячо поддерживал Варлен.

Всё чаще на заседаниях Федерального совета обсуждались политические вопросы.

В конце февраля сформировался будущий орган народной власти — ЦК Национальной гвардии. 1 марта вопрос об участии в нём обсуждался Федеральным советом Интернационала.

Активным сторонником участия был Варлен. Именно по его предложению Федеральный совет 1 марта 1871 г. выделил для связи с ЦК комиссию из четырёх человек. Варлен говорил: «Если мы останемся одни перед лицом такой силы, наше влияние исчезнет, если мы будем вместе с этим комитетом, мы сделаем большой шаг в сторону социального будущего», но предлагал идти туда, чтобы подчинить себе «дух», направление этой организации, в качестве национальных гвардейцев, а не в качестве членов Интернационала. Именно такого рода ошибочный наказ и был дан выделенной комиссии, лишивший её обязанностей и прав представителя организации, которая должна была, таким образом, как выразился один из членов Совета, оставаться «скрытой».

Предательская капитуляция Парижа, разоружение регулярной армии приближали час открытого столкновения сохранившей свои ружья и пушки Национальной гвардии столицы, в большинстве своём состоявшей из рабочих, с реакционной, изменнической буржуазией, так как вооружённый Париж «являлся единственным серьёзным препятствием на пути контрреволюционного заговора»¹.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 467.

Принятые реакционным Национальным собранием и созданным им правительством во главе с Тьером, этим злейшим врагом рабочего класса, законы и постановления носили явно провокационный характер. Отмена отсрочки платежей за кредит и фактическая отмена жалования национальным служащим тяжело ударили по рабочим, а отмена отсрочки платежей по векселям — по многочисленной мелкой буржуазии, что в значительной мере определило её совместное выступление с рабочими. Опубликование заочно вынесенного смертного приговора Бланки и Флурансу (по делу о выступлениях 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г.), закрытие 6 революционно-демократических газет, назначение главнокомандующим Национальной гвардией отъявленного реакционера и иезуита Орелье-Паладина, перенесение места заседаний Национального собрания в Версаль — всё это раскрывало политические цели готовившегося контрреволюционного заговора.

Чувствуя, что этот заговор направлен именно против него, рабочий Париж в эти дни жил особенно напряжённой политической жизнью. Но бурное дыхание этой жизни мало ощущалось в действиях Федерального совета секций Интернационала. Конечно, начатая реорганизация работы секций приносила свои плоды: многолюдней становятся собрания, растёт число секций. Но, во-первых, вопросы реорганизации (например, обсуждение нового устава) в эти бурные дни поглощали чересчур много внимания, а во-вторых, здесь всё ещё оставались сильны аполитичные настроения.

Между тем рабочие видели в Интернационале центр своей организации. 8 марта один из членов Совета передал сообщение секции Терн о том, что, возможно, «завтра жителям Монмартра предъявят требование отдать пушки»¹.

Именно на эти стоявшие на возвышенностях Монмартра пушки Национальной гвардии, на это страшное для них вооружение парижского пролетариата и предпринятый провокационной целью версальское правительство набег в ночь на 18 марта. «Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной»².

Победа революции 18 марта, передавшая власть в Париже в руки народа, в руки вооружённого рабочего

класса, означала осуществление его долгих, самых заветных чаяний, надежд и стремлений. Победа эта была достигнута в итоге многолетней борьбы рабочего класса, ценой огромных жертв. Наконец-то рабочие Парижа завоевали республику, не только демократическую, но и социальную, ту, за которую сражались и умирали июньские повстанцы 1848 г.

Это была первая революция, открывшая широчайший простор для проявления инициативы, творчества народных, пролетарских масс. Больше того, сами «практические обстоятельства», как подчёркивает Энгельс, властно требовали проявления этой инициативы, этого творчества. И массы оказались на высоте положения. Уже 12 апреля 1871 г. Маркс в письме к члену Интернационала Л. Кугельману восхищался прежде всего именно гибкостью, «этой исторической инициативой», умением по-новому, по-революционному выходить из труднейших «практических обстоятельств».

Революция, совершённая парижским пролетариатом 18 марта 1871 г., впервые предоставила возможность практической проверки правильности представлений о путях освобождения рабочего класса от политического и экономического угнетения, выраженных в теориях, доктринах, идейных направлениях, боровшихся в международном рабочем движении. Предстояла суровая проверка в огне классовой борьбы, с одной стороны, тех теорий и направлений, которые были унаследованы от прошлого, но, видоизменяясь, приспособляясь к новым условиям, сохраняли своё влияние, — прудонизма и бланкизма. С другой стороны, на опыте этой революции предстояла проверка правильности учения научного социализма, правильности марксистской теории пролетарской революции, идеи диктатуры пролетариата, проверка правильности выводов, сделанных Марксом на основании опыта революции 1848 г. во Франции, — о необходимости слома в ходе революции старой государственной машины, о необходимости союза рабочего класса с крестьянством. Опыт этой революции должен был дать ответ на вопрос, без разрешения которого не могла быть завершена разработка марксистской теории пролетарской революции, — чем заменить старую государственную машину.

В цитированном выше письме от 12 апреля Маркс приглашал Кугельмана взглянуть в последние

¹ «Enquête paritaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 529.
² В. И. Ленин, т. 13, стр. 438.

книги «18 брюмера Луи Бонапарта», в которой было предсказано, что следующей попыткой французской революции будет не передача из одних рук в другие старой бюрократически-военной машины, а с л о м её, ибо именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. «Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

Вот почему Маркс, увидев именно в этом величие и всемирное историческое значение Коммуны, считал, что в любом случае она является «славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

Что же происходило в эти дни в секциях Интернационала? Члены секций — рабочие вместе с тысячами своих товарищей отразили наступление реакции и привели к победе народную революцию. Особенно активной была роль Варлена. Но большая часть членов Федерального совета, заражённая прудонистскими настроениями, не выступила в роли организаторов масс, плелась в хвосте событий.

23 марта на расширенном заседании Федерального совета обсуждался вопрос о предстоящих выборах в Коммуну. Франкель предложил обратиться к членам Интернационала и рабочих обществ с призывом голосовать за Коммуну, то есть принять самое активное участие в выборах. Позиция Франкеля нашла поддержку со стороны ряда ораторов. Некоторые из них говорили, что Интернационал должен сейчас действовать боевым образом. Одни из них заявляли, что долг членов Интернационала — всемерно поддержать республику, если она станет социальной, другие, как Обри, руководитель секций Руана, прямо утверждали, что происшедшая революция — социальная, призывали установить теснейшую связь с ЦК Национальной гвардии, требовали от депутатов будущей Коммуны соблюдения так называемого «императивного мандата», то есть обязательного выполнения ими требований избирателей, а в противном случае — выхода в отставку. Таким образом, некоторые из этих выступлений предвосхищали особенности положения будущих депутатов Коммуны, коренным образом отличающиеся от положения депутатов в буржуазных парламентах. В то же время прозвучали и голоса тех, кто был против того, что рабочие общества со всей силой «бросают в движение».

В результате прений создаётся комиссия по составлению манифеста в составе Франкеля и двух правых прудонистов — Тейса и Деме.

Содержание этого документа насквозь прудонистское, и ответственность за это несёт, несомненно, Франкель. Он не только не выступил с какими-либо возражениями, а сам внёс предложение распространять этот документ в виде афиш. Главные из содержавшихся здесь ошибочных положений заключались в осуждении гражданской, социальной войны, то есть классовой борьбы, в утверждениях о том, что в скором времени воцарится «братское согласие» как доказательство мудрости народа Парижа. Совершённая народом революция рассматривалась как чисто «коммунальная», то есть ограниченная в политическом отношении рамками борьбы за вольности города Парижа. Авторы манифеста призывали народ голосовать за Коммуну, так как она «прекратит антагонизм классов и обеспечит социальное равенство», утверждая при этом, что автономия каждой коммуны лишает требования трудящихся всякого «насильственного характера»¹.

В отличие от бланкистов, руководители секций Интернационала сразу же поняли особое значение социального вопроса в революции. Предстояло определить в принципе пути его разрешения. И вот здесь-то особенно и сказались «прудонистская отрыжка»: даже те из них, кто до этого боролся за «политизацию» Интернационала, высказались за сугубо мирную тактику. Один из самых главных вопросов — это вопрос о социальном строе, — говорил Бертен на заседании Совета 29 марта и делал отсюда следующий вывод: «Наша революция совершилась. Отложим же в сторону ружьё и возьмёмся опять за рабочие инструменты». Его поддержал другой член, Гаме, утверждавший, что «гвардию легко восстановить, труд гораздо труднее; при первом же звуке барабана мы опять возьмём в руки наши ружья». Эти глубоко ошибочные взгляды всецело разделял Франкель. «Я поддерживаю эту идею, — заявил он. — Мы хотим утвердить право рабочих, а это право может быть основано только на моральной силе или на убеждении; предоставим деспотам заставлять

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 303—305.

уважать право, которое они понимают по-своему, при помощи митральез». Одинокó прозвучал голос Гулле, считавшего, что «не мешает быть настороже».

Из всего сказанного явствует, что значение секций Интернационала в революции 18 марта определяется не ролью их как организационного центра борьбы рабочего класса, ибо эта их роль, хотя и возросла заметно с января 1871 г., оставалась в общем крайне незначительной. Нет, когда Маркс дал высокоположительную оценку этой роли, он имел в виду, очевидно, нечто иное. А именно: роль сотен рядовых рабочих — членов Интернационала в революционном творчестве масс, в которое именно они внесли более определённое сознание социального характера, социальных целей революции. Руководимые своим революционным инстинктом, действуя под давлением практических обстоятельств, эти рабочие — члены Интернационала шли по тому пути классовой борьбы, гражданской войны, слома старой государственной машины и замены её новым, пролетарским государством, по пути экспроприации экспроприаторов, который определялся закономерностями развития пролетарской революции, диктатуры пролетариата. Действуя так, рабочие — члены Интернационала, как и тысячи их братьев по классу, шли по пути, теоретически предсказанному Марксом и находившемуся в прямом противоречии с положениями наиболее влиятельной тогда среди них доктрины мелкобуржуазного социалиста-анархиста Прудона, и заставляли поступать так и своих руководителей-прудонистов. Вот почему революция 18 марта развивалась не по пути «братского согласия», прекращения социальной, гражданской войны, не по пути того «прекращения антагонизма классов», о котором говорили в своём предвыборном манифесте прудонисты — руководители секций Интернационала и рабочих обществ, а по тому пути, который был научно обоснован в «Манифесте Коммунистической партии», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Капитале», в «Учредительном манифесте» и ряде других документов I Интернационала. Чтобы составить более отчётливое представление о том, как именно это произошло, напомним о составе Коммуны. После ухода 21 буржуазного представителя в Коммуне оставалось 85 депутатов. Из них до 30 человек были рабочими, остальные — представители мелкобуржуазной интеллигенции (журналисты, писатели, врачи, художники, педагоги) и

мелкой буржуазии¹. Почти третья часть членов Коммуны принадлежала к Интернационалу², из них две трети были рабочие. Идейные течения, партии, представленные в Коммуне, воплощали в себе основные направления в тогдашнем французском рабочем движении. Наличие ряда внешних точек соприкосновения в вопросах организации и тактики между бланкистами (23 человека, не считая «примыкавших» к ним) и многочисленными представителями мелкобуржуазных демократов (12—14 «неоякобинцев» и «примыкавших» к ним) привело к образованию из этих двух групп «большинства» в Коммуне, в то время как прудонисты и «примыкавшие» к ним составили её «меньшинство». Формально это разделение произошло на заседании 1 мая 1871 г. при обсуждении вопроса о создании наделённого широчайшими полномочиями органа в виде Комитета общественного спасения, но в действительности такого рода размежевание происходит уже в самом начале существования Коммуны.

Бланкисты были представлены в Коммуне главным образом теми выходцами из среды мелкобуржуазной интеллигенции, роли которых в борьбе против буржуазных «верхов» Бланки всегда придавал особенно большое значение.

Это были Теофиль Ферре, Рауль Ригó, Гюстав Флуранс, чьи живые черты, очень во многом типичные для всей группы, явственно выступают в их портретах.

Значительно меньше среди бланкистов — членов Коммуны и среди её депутатов, примыкавших к «большинству», было рабочих. Это литейщик Дюваль, член Парижского бюро секций Интернационала, генерал Коммуны, расстрелянный версальцами 4 апреля, Жерем и некоторые другие из примыкавших к «большинству» членов Интернационала. Как правило, рабочие — члены Интернационала входили в состав прудонистского «меньшинства».

Бланкисты (имеются в виду именно их представители из кругов интеллигенции) были тогда, по словам Энгельса, в основной своей массе, как и раньше, социали-

¹ Список членов Коммуны с краткими данными о каждом из них см. А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 574—581; также П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 243—249.

² По данным, сообщаемым А. И. Молоком, — 22 человека, по подсчётам П. М. Керженцева — до 30 человек.

стами лишь по революционному инстинкту. Своей теории у них не было, с учением марксизма они знакомы не были, так как в то время учение это распространялось через Интернационал. Поскольку же французские члены Интернационала находились под влиянием прудонизма с его резко отрицательным отношением к политической борьбе и к государству, то бланкисты, стоявшие на противоположных позициях, относились к членам парижских секций враждебно и потому никакому влиянию с их стороны не подвергались.

Этот социализм по чувству и революционному инстинкту объективно представлял собой своеобразную форму протеста демократической интеллигенции против гнёта крупного капитала, против антидемократического бонапартистского режима Второй империи, страстными противниками которой она являлась, и вёл к её сближению, как это показано в книге, с той частью рабочих, которых отталкивал аполитизм прудонистов, разочаровывало решительное нежелание «впутывать Интернационал в политику», проявлявшееся даже левыми прудонистами — «коллективистами» во главе с Варленом уже после падения Второй империи.

Далёкие от понимания социальной сущности и социальных задач происшедшей революции, лишённые какой бы то ни было системы теоретических взглядов, бланкисты фактически отказались от участия в социальных мероприятиях Коммуны и всю присущую им активность направили на разрешение политических и военных вопросов. Таким образом, бланкисты, представлявшие интересы рабочих в «большинстве», несли в первую очередь ответственность и за достоинства и за промахи в политических и военных действиях Коммуны.

Весьма отрицательную роль в политической деятельности Коммуны сыграла многочисленная группа мелкобуржуазных демократов — «неоякобинцев».

«Неоякобинцы» представляли собой группу мелкобуржуазных политических деятелей, таких, как Делеклюз, Пиа, Гамбон, Груссе, Мелье, Паризель, Мио и другие, приобретших известность главным образом ещё во время революции 1848 г. Это были старые враги Второй империи, вернувшиеся в ряде случаев на родину лишь после её падения. Их борьба с режимом Второй империи не выходила за рамки требований буржуазно-демократиче-

ских свобод. Но так как в достижении этих свобод были тогда кровно заинтересованы не только мелкобуржуазные массы, но и рабочий класс, для которого это было условием его дальнейшей борьбы и организации в годы кризиса Второй империи, то популярность «людей 1848 года» сильно возросла. После революции 4 сентября они выступали, подобно Бланки, с лозунгом «Отечество в опасности», но затем, убедившись в измене правительства Национальной обороны, перешли к острой критике его и поддерживали лозунг создания Коммуны как органа самоуправления и защиты отечества.

Если вспомнить об аполитичности парижских секций Интернационала, о том, что в движениях 8 и 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. вместе с рабочими массами участвовали не прудонисты, а бланкисты и «неоякобинцы», имена которых и вносились всегда в списки новых правительств, то понятно, что на выборах в Коммуну за них голосовали не только мелкие буржуа, столь многочисленные в Париже, но и рабочие. «Имена эти являлись всегда главарями во всякой борьбе, во всякой оппозиции, за ними признавали известную опытность в общественной жизни...»¹, — пишет член Коммуны Арну. Окружённые ореолом жертв бонапартистского гнёта, красноречивые ораторы, неутомимые журналисты, издатели демократических газет, защитники обвиняемых на политических процессах, озарённые отблеском революционных и патриотических традиций прошлого, — такими видели их массы на выборах в Коммуну.

Между тем рабочие массы не успели выработать своего собственного, классового отношения к этим традициям прошлого, традициям 1792—1793 гг., и понять, что их дело — не повторять прошлое, а строить будущее, укреплять организацию своего класса, избирать своих рабочих депутатов в Коммуну. Таким образом, избрание «неоякобинцев» в Коммуну и являлось своеобразной данью этому прошлому, объясняющейся недостаточным политическим развитием масс. Вспомним, что ведь и руководители парижских секций Интернационала, отказавшиеся быть в одном списке с Бланки, пошли на составление единого списка кандидатур с «людьми 1848 года» на выборах

¹ Артур Арну, Народная история Парижской Коммуны, М. 1918, стр. 119.

в Национальное собрание, а своим чисто прудонистским манифестом на выборах в Коммуну ничем не помогли рабочим массам в разъяснении сущности «людей 1848 года». Наоборот, проповедуя мирное преодоление «классовых антагонизмов», они сеяли вредные иллюзии в массах.

«Неоякобинцев» сближало с бланкистами то, что и те и другие были сторонниками решительных действий, не отдавая себе отчёта в их реальном социальном содержании и результатах. Но «неоякобинцы» не были однородны. Делеклюз был представителем именно той лучшей части их, которая сознательно шла на сближение с рабочими массами и была вместе с ними в дни революции 18 марта, хотя, подобно Делеклюзу, так и не смогла понять её пролетарский характер. Но была и другая часть, наиболее типичным представителем которой явился Феликс Пиа, ведший борьбу с Генеральным советом и с К. Марксом, пытавшийся неоднократно дискредитировать и оклеветать I Интернационал.

Таким образом, отношение новых якобинцев, этой группы мелкобуржуазных деятелей, к рабочему классу и Интернационалу было неодинаково. Но даже лучшие из них, подобно Делеклюзу, требовали в это время, как и в 1848—1849 гг., демократически-республиканских учреждений «не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм»¹. Образцом, примером борьбы за эти демократически-республиканские свободы оставался для них высший этап буржуазно-демократической революции — период якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Они не понимали, что на арену выступила новая, неизмеримо более высокая форма демократии — пролетарская, дающая не формальное, а действительное социальное равенство.

Чтобы оценить искренность и чистоту побуждений таких людей, как Делеклюз, необходимо помнить указание Маркса о том, что мелкая буржуазия видит в выдвигаемых ею требованиях не свои эгоистические классовые интересы. «Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»².

Вот почему, какие бы меры ни предлагались идеологами мелкой буржуазии, как бы более или менее революционно ни окрашивалась сама цель («неоякобинство»), — суть оставалась та же: перестройка общества демократическим путём, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности¹.

Отсюда лишь внешнее сходство требований, лозунгов мелкобуржуазных демократов с объективным содержанием лозунгов пролетариата, например требования «социальной республики».

С особой силой раскрылись все эти черты классовой ограниченности мелкобуржуазных «неоякобинцев» в их деятельности в Коммуне, когда обнаружилась неспособность даже лучших из них понять пролетарский характер революции 18 марта и враждебные пролетариату устремления таких людей, как Пиа, Везинье.

Как видно из ряда действий Делеклюза (например, из составленного им проекта программы Коммуны), даже для него «якобинство» оказалось в сущности лишь формой, лишённой главного содержания — духа непримиримой классовой борьбы.

Выдвинув перед рабочим классом Франции задачу определить в 1870—1871 гг. своё классовое отношение к национальной традиции 1792 г., история потребовала от рабочих сделать это также и в отношении революционных традиций 1793—1794 гг. Строго говоря, впервые именно в Коммуне, став у власти, рабочие должны были высоко поднять эти традиции, действуя столь же смело, бесстрашно, наступательно, ведя за собой народные массы и в первую очередь крестьянство, как это делали якобинцы 1793 г. в своей борьбе против феодально-монархической контрреволюции. Делеклюз, увидев на ряде примеров бессилие, вырождение мелкобуржуазного «неоякобинства», не смог стать пролетарским революционером. Не видя выхода из этого положения, не желая уклоняться от участи борцов революции, он пошёл навстречу смерти, доказав также и этим, что его поведение определялось примером якобинцев, то есть тенью героического прошлого буржуазии, а не идеями и моралью восходящего класса — пролетариата.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 238.

² Там же.

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 238.

Таков облик «большинства» Коммуны. «Меньшинство» Коммуны состояло из 22 человек, в том числе из 16 членов Интернационала, в большинстве своём рабочих, а по взглядам — прудонистов.

Однако среди них следует различать правых прудонистов, оставшихся верными буржуазной сущности учения Прудона и отстаивавших неприкосновенность частной собственности, и левых прудонистов — «коллективистов». Типичным представителем первых являлся Беле, в прошлом владелец фабрики паровых машин, отстаивавший идею примирения труда с капиталом. Назначенный представителем («делегатом») Коммуны при Французском банке, Беле упорно защищал хранившиеся там огромные ценности (более чем на 3 млрд. франков). Коммуне (да и то после сильного нажима с её стороны) было выдано из банка около 16 млн. франков, в то время как версальское правительство получило оттуда на финансирование борьбы с Коммуной 257 млн. франков. То, что Коммуна «почтительно остановилась перед дверьми Французского банка», было одной из её серьёзнейших ошибок не только в экономическом, но и в политическом отношении. По мнению Энгельса, захват банка заставил бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной¹. Причины этой ошибки в сохранившемся влиянии идей Прудона, считавшего, что не производство, а обмен играет особенно важную роль в жизни общества. Вот почему члены Коммуны убедили угрозы Беле, что захват банка «нанесёт страшный удар стране», приведёт к дезорганизации её экономической жизни. Вот почему вместо конфискации Французского банка некоторые газеты пропагандировали чисто прудонистскую идею об организации Коммуной своего «социального» банка. Характерным для правопрудонистских воззрений является заявление таких членов Коммуны, как Журд, о том, что «нельзя применять метод экспроприации в пользу государства»². Представители этой группы тормозили проведение в жизнь ряда социальных мероприятий Коммуны, боясь ущемить интересы хозяев предприятий.

Однако давление и инициатива рабочих масс преодолели это сопротивление. Представителями народных масс, выражавшими их социальные требования, являлись ближе всего стоявшие в этих вопросах к марксизму, находившиеся в непосредственном идейном общении с Марксом такие деятели Интернационала, как Франкель, возглавивший Комиссию труда и обмена, и входивший в её состав Серрайе. Именно они наиболее отчётливо представляли себе социальный характер революции 18 марта. Франкель защищал немедленное проведение в жизнь декрета об отмене ночного труда в булочных именно потому, что считал его единственно социалистическим из всех принятых Коммуной¹, а так как, по его словам, он, принимая мандат, не имел другой цели, «кроме защиты пролетариата», то он всецело поддержал эту меру, принятую по требованию самих рабочих.

Сознавая, что они находятся в Коммуне для проведения «социальных реформ», Франкель и Серрайе, хотя и не имели отчётливого представления о сущности диктатуры пролетариата, настаивали на более тщательной предварительной подготовке соответствующих декретов через Комиссию труда и обмена, в которой участвовали рабочие, на разъяснении населению как принципиальных мотивов, из которых исходит Коммуна, то есть политической направленности декрета, так и выгоды для масс данного мероприятия.

Не следует преувеличивать роли Комиссии труда и обмена, например, в издании декрета 16 апреля о конфискации брошенных мастерских. Первый шаг в сторону его осуществления был сделан ею лишь девять дней спустя после его издания, причём сама Комиссия по обследованию этих предприятий была создана по инициативе рабочих-механиков. Но всё же роль этой Комиссии, установление её руководителем Франкелем связи с Марксом, которого он просил высказать своё мнение о необходимых социальных преобразованиях, так как прежде всего «надо заложить фундамент социальной республики»², — весьма значительна. Комиссия была связана с рабочими через

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 441.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, М. 1933, стр. 295.

¹ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 298. Само по себе это мнение ошибочно, так как такого рода определение должно быть отнесено прежде всего к декрету от 16 апреля о конфискации брошенных мастерских.

² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 175.

так называемую «инициативную комиссию», которая в свою очередь приняла меры к установлению связи с делегатами комитетов 20 округов, рабочих товариществ и федеральных палат.

Именно в Комиссии труда и обмена рабочие видели осуществление того самого «министерства труда», создания которого они тщетно добивались в 1848 г., получив вместо него так называемую Люксембургскую комиссию, в которой Луи Блан убеждал их «примириться» с буржуазией.

Рабочие правильно поняли, что социальные декреты Коммуны подрывают основы буржуазного общества и после совершённой ими революции приобретают социалистическую направленность.

Голос десятков тысяч рабочих Парижа слышался в наказе союза механиков и ассоциации металлистов, который они дали 23 апреля своим делегатам, направленным в эту Комиссию для участия в осуществлении декрета от 16 апреля. Рабочие требовали «положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путём ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом»¹. Такая организация в последнем счёте должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона. Здесь, как и в создании нового типа государства, «революционный инстинкт рабочего класса прорывается вопреки ошибочным теориям»², в наиболее полном виде раскрывается решающая роль рабочих масс в революции 18 марта, в создании первого опыта диктатуры пролетариата.

В Комиссии труда и обмена Франкель и Серрайе опирались на большинство, но большинство это было прудонистским. «Все только и говорят о проекте народного банка, об обмене и т. д. Одним словом, каждый день из сочинений «великого учителя» извлекается новый проект»³, — писал Серрайе жене 15 апреля. Но если на следующий день член Комиссии Авриаль и несколько его коллег внесли на заседании Коммуны письменное предложение о расследовании вопроса о брошенных мастерских, то это значит, что Комиссия именно благодаря

Франкелю, Варлену и Серрайе шла в решающем и основном против «принципов» Прудона, шла благодаря давлению практических обстоятельств и принимала решения, подсказанные революционным инстинктом рабочего класса, «гениальным чутьём проснувшихся масс». Вот почему, хотя в Коммуне и было много прудонистов, ею не было сделано ни малейшей попытки решать социальные вопросы на основе проектов Прудона об «организации экономических сил». Опровергая измышления немецкого прудониста Мюльбергера о том, будто бы у французских, итальянских и испанских рабочих «принципы, формулированные Прудоном, почти повсюду образуют живую душу движения», Энгельс показал, что к величайшей чести Коммуны «живую душу» всех её экономических мероприятий составляли «не какие-либо принципы, а ...простая практическая потребность»¹. И именно потому эти мероприятия — отмена ночного труда булочников, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация брошенных фабрик и мастерских и передача их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу научного социализма. Значение в Коммуне Франкеля, Серрайе и «коллективистов» во главе с Варленом как представителей Интернационала и заключалось в том, что они помогли рабочим оформить требования, продиктованные обстоятельствами и инстинктом масс, выдвигавшиеся благодаря их инициативе. Это проявилось, например, в том, что Франкель стремился теоретически обосновать соответствующие действия Коммуны и дать им практическое выражение в борьбе за создание «фундамента социальной республики», а не атомизированного анархистского прудоновского царства мельчайших единоличных производителей. Вот в каком смысле и говорил Энгельс о Коммуне, как о «духовном детище» Интернационала, того Интернационала, который уже в 1869 г. стал на открыто коммунистическую платформу.

Вот почему Коммуна явилась могилой прудонизма. Ведь единственное социальное мероприятие, проведённое правыми прудонистами действительно в чисто прудонистском духе, — от ка з от конфискации Французского банка — был одной из причин гибели Коммуны².

¹ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 327.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 181.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 186.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 566.

² См. там же.

Великим учителем коммунаров, которые в своём творчестве новых форм жизни инстинктивно шли по путям, теоретически предсказанным учителем, чьими сознательными учениками (хотя ещё далеко не во всём главном) являлись Франкель и Серрайе, был Маркс. Именно благодаря Марксу, благодаря руководимому им Интернационалу рабочие Парижа приходили к более ясному пониманию того, что революция, которую они совершили, «есть прежде всего революция социальная», к выводу о том, что «рабство девятнадцатого века, капитализм, рушится»¹.

Всемирно-историческое значение Парижской Коммуны огромно. Будучи первым в истории правительством рабочего класса, она представляла собой созданное массами государство нового типа, открытую ими политическую государственную форму диктатуры пролетариата, в рамках которой должно было совершиться экономическое освобождение труда. Советская власть, республика Советов являются развитием этой формы.

Великий создатель партии большевиков и Советского государства В. И. Ленин разъяснял рабочим и крестьянам нашей Родины, что их революционное творчество есть «продолжение пути Парижской Коммуны»², так как бессмертное дело, за победу которого отважно боролись и бесстрашно умирали коммунары, было дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся.

85-летие Парижской Коммуны международный пролетариат, трудящиеся всех стран отметили в обстановке огромных, всемирно-исторических побед лагеря социализма, мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Построено величественное здание социалистического общества в нашей стране. Огромных успехов достигли трудящиеся Народного Китая и европейских стран народ-

ной демократии, уверенно идущие по пути строительства основ социализма. Велики успехи мощного движения сторонников мира, направленного на предотвращение новой опустошительной войны, на запрещение ядерного оружия, на борьбу с гонкой вооружений, против милитаризма, отважным противником которого выступила Коммуна, высоко поднявшая знамя пролетарского интернационализма, знамя мира и дружбы между народами.

Героический рабочий класс Франции высоко держит знамя борьбы за национальные интересы своей родины, за демократические права, за жизненные социальные интересы трудящихся масс. Коммунистическая партия Франции, по словам Мориса Тореца, черпает уроки революционной энергии и смелости в самых чистых традициях французского народа и его рабочего движения; она считает себя наследницей санкюлотов 1793 г., лионских ткачей 1831 г., рабочих 1848 г., славных коммунаров 1871 г.¹

Трудящиеся всех стран, чувствуя, что в борьбе против социального, политического угнетения, в своём созидании новых форм общественной жизни они все «стоят на плечах Коммуны», чествуют в славный день 18 марта коммунаров, отдавших свои жизни за дело освобождения пролетариата от рабства.

Вот почему труженикам всего мира так дороги книги, воссоздающие образы деятелей Парижской Коммуны. В этом значение и книги А. Лурье, которая рисует портреты славных коммунаров 1871 г.

В. Алексеев-Попов.

¹ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 263. Конечно, нельзя никоим образом преувеличивать зрелость взглядов даже этих передовых рабочих. И в их сознании ещё были сильны следы прудонистского влияния (например, они говорили о какой-то «трудовой буржуазии»), но главное, что их уже бесповоротно отделило от Прудона, — это именно сознание неизбежности крушения капитализма.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 110.

¹ См. Maurice Thorez, Le parti armé de la victoire, «Cahiers du bolchevisme», № 6, 1939, p. 767.